

ности; таково, например, описание первого приезда Аввакума в Москву, с троекратным рефреном: «Тут паки горе».²⁸ Другой пример: «Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал». Здесь эмоциональность усиливается и явно ощутимой ритмической организацией фразы.

Иногда ритмика подчеркивается в «Житии» рифмой или созвучием, которые появляются не просто для «оживления речи» (Н. К. Гудзий), а как средство эмоционального воздействия, для выделения мест наиболее драматических:

Убить вора, б...а сына,
да и тело собакам в ров кинем.
Венец тернов на главу ему там возложили,
в земляной тюрьме и уморили.
У церкви за волосы дерут,
и под бока толкают
и за чепь торгают
и в глаза плюют.
Пред царя пришед, учал юродством шаловать,
Царь же, осердясь, велел в Чудов монастырь отслать.²⁹
На кол было посадил,
да еще бог сохранил.

С той же целью выделить наиболее драматические эпизоды Аввакум иногда насыщает свою речь звуковыми повторами — аллитерацией и ассонансами. Это проистекало из устно-сказовой природы «Жития», что особенно заметно при сопоставлении «Жития» с соответствующими местами из «Первой челобитной царю Алексею Михайловичу», где Аввакум, не стремясь к воссозданию устной речи, излагает те же факты иначе, обыденным языком. Например, в «Житии»: «Среди улицы били батожьем и топтали, и бабы были с рычагами» (ср. в «Челобитной»: «бит ослопием и топтан злых человек ногами»).³⁰ В «Челобитной» Аввакум довольно сухо сообщает о расправе над ним в Москве: «... и посадя на телегу с чепью, по улицам, рогатня мои руки, не в одну пору возили...».³¹ Этот же факт с большим мастерством изображен в «Житии», где последовательно выдерживаются звуковые повторы (т—д, л—р, ассонанс на «е» и «и»):

«Егда же розсветало в дeнь недeльный, посадили меня на телегу, / и рогатнули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, / и тут на чеши кинули в темную полатку, ушла в землю, / и сидел три дни, ни ел, ни пил».³²

В конце отрывка ассонанс на «и» усилен точным ритмическим совпадением и внутренней рифмой (ср. в «Челобитной» обыденное: «три дни и три ноши на чеши держал без пищи»).

Вообще говоря, письма и челобитные Аввакума, в ряде случаев представляющие самостоятельную литературную ценность, в то же время могут рассматриваться как своеобразные подготовительные наброски к окончательному тексту «Жития». Что в письмах Аввакума излагалось конспективно, кратко, то в «Житии» становилось ярким эпизодом, приобретало образную наглядность. Сравним, например, письмо Аввакума к семье на Мезень от мая 1666 г. с соответствующим местом в «Житии». В письме читаем: «В Пафнутееве монастыре держали девять недель на

²⁸ Житие, стр. 78.

²⁹ Другие примеры см. у В. Виноградова (Русская речь, стр. 283—284).

³⁰ Житие, стр. 78, 281.

³¹ Житие, стр. 282.

³² Житие, стр. 81.

³³ Житие, стр. 282.